

МАРИНА МАХОРТОВА

**Дней
связующая нить**

О РОДНЫХ ДАНИИЛА ХАРМСА

Марина Махортова

**Дней связующая нить.
О родных Даниила Хармса**

«Издательские решения»

Махортова М.

Дней связующая нить. О родных Даниила Хармса /
М. Махортова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-852060-0

Перед вами книга, написанная внучатой племянницей Даниила Хармса — Махортовой Мариной Кирилловной о семье поэта. В книгу включен рассказ о Василии Колюбакине, герое войны 1812 года, прадеде Хармса, биографический очерк о Надежде Колюбакиной, матери поэта, статья о поиске могил предков Даниила Хармса. В книге публикуются редкие семейные фотографии.

ISBN 978-5-44-852060-0

© Махортова М.
© Издательские решения

Содержание

О прадеде Даниила Хармса	6
Возвращение домой	6
Конец ознакомительного фрагмента.	9

Дней связующая нить О родных Даниила Хармса

Марина Махортова

© Марина Махортова, 2017

ISBN 978-5-4485-2060-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

О прадеде Даниила Хармса

Возвращение домой

*Отчизне кубок сей, друзья!
Страна, где мы впервые
Вкусили радость бытия,
Поля, холмы родные,
Родного неба мильей свет,
Знакомые потоки,
Златые игры первых лет
И первых лет уроки,
Что вашу прелесть заменит?
О родина святая,
Какое сердце не дрожит,
Тебя благословляя!*

В. А. Жуковский

– Задремали, барин? – оборотясь к ездоку, мирно покачивающемуся в коляске, спросил кучер – Скоро доедем! Уже, на дорогу до Терешки свернули, чувствуете, как потряхивает?

– И то верно! Вот они родные ухабы! А знаешь, братец, все равно хорошо! После военных-то дорог, когда сутками не спишь, не ешь, у тебя в коляске, лежишь, как в люльке. Вот и сморило. А воздух-то какой! Я и забыл, какой у нас дух легкий, привольный! – Молодой черноусый офицер, с радостным удивлением потянулся, привстав в коляске, и глубоко вдохнул запах цветущих трав.

– Оно так! Свое, значит, ничем не вытравишь. Дома-то завсегда лучше. А правда, говорят, вы и в заграничных странах бывали, басурман воевали?

– Было, братец, было! А тебе зачем?

– Да вот, интересуюсь, самого главного ихнего, Наполеона, поглядеть, вашему благородию, доводилось? Говорят, поймали его? Али врут?

– Нет, не врут. Только Наполеона я не встречал, а вот Государя нашего, Александра Павловича видеть приходилось. Вот как тебя! Когда наши войска в Париж входили! Никогда не забуду!

– Ей-богу? – кучер дернул поводья и коляску чувствительно тряхнуло.

– Ей-богу! – расхохотался офицер, ну хочешь перекрещусь! Да ты так меня в канаву вывалишь, вот матушка-то обрадуется! И от батюшки будет тебе вместо водки, плетей! Смотри, давай, на дорогу! Интересуется он!

– А чего смотреть, вон крыши-то виднеются, и сосны господские. Я завсегда по соснам определяюсь, доехали, аль нет. Нигде в тутошних местах таких сосен нету. Видать барин, нарочно насадил.

– Верно, у батюшки много разных затей в усадьбе было, да нынче он уже не таков, постарел гвардии майор Иван Васильевич Колюбакин.

– Ну что ж, такой значит порядок в жизни положен, один старится, другой в силу входит. Вот вы барин, какой молодец! Любо-дорого поглядеть! И то слово, радость отцу-матери! И, слава тебе, Господи, с такой войны живой вернулись!

– Что-то ты меня захвалил! Не иначе, как и от меня на водку получить думаешь! Получишь, получишь! Ради такого дня, не жалко! Домой приехал! – и молодой офицер нетерпеливо

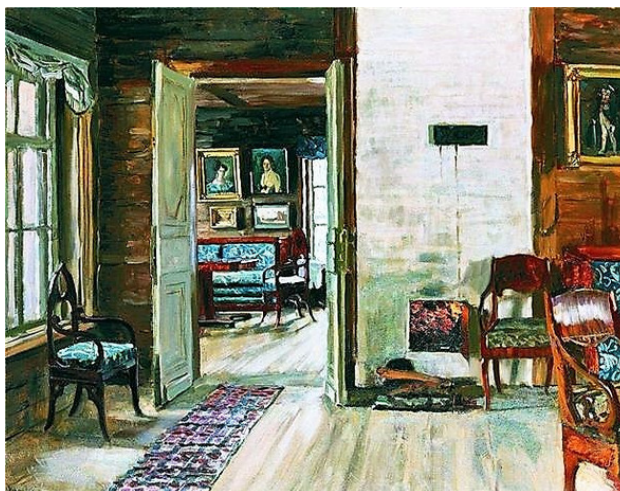
соскочил с коляски, не дожидаясь, когда она остановится. Он слегка поморщился, неловко ступив на левую ногу, но тряхнул головой и кинулся к крыльцу родительского дома.

Герой, о котором идет наш рассказ, был молодой человек 20 лет, штабс-капитан лейб-гвардии гренадерского полка-Василий Иванович Колюбакин.

После заграничного похода, получив отпуск, Василий Колюбакин смог наконец приехать к родным домой, в имение Дворянская Терешка Хвалынского уезда Саратовской губернии.

Вбежав в дом, Василий с бьющимся сердцем, узнавал родные запахи и звуки. Вот заскрипела верхняя ступенька на крыльце под его щегольскими сапогами, а он и позабыл, как протяжно она пела. Вот потянуло батюшкиным табаком из комнат, особым, душистым, с донником. Вот что-то звякнуло, видно разбили склянку, кто-то ойкнул и сразу захлопали двери в доме. Молодой офицер, давно забывший, что такое робость, с волнением вошел в гостиную.

– Маменька! Братец приехали! – раздался детский голосок.

– Это кому это я тут братец, покажись? – стараясь шуткой, скрыть смущение от встречи с родными, пробасил Василий.

– Батюшка Василий Иванович! Какой же вы стали! А голос-то, какой густой сделался, ну чисто генерал! Слава тебе, Царица небесная! Услышала Матерь Божия наши молитвы, дождалась родители праздника! – запричитала старуха нянька.

– Что-то я со света, никого толком признать не могу, нянюшка, ты ли это?

– Поди, нянька, поди! Дай мне сына своего обнять! – дрожащим голосом проговорил старый майор, протягивая к Василию руки. Рядом с отцом стояла, прижав к губам платок, матушка Александра Васильевна и глядела на своего первенца глазами, полными слез.

– Маменька, что же Вы плачете, ведь братец живой-здоровый приехали! И, верно, подарки всем привезли! – прервал трогательную встречу все тот же детский голосок.

– Наташа! Как можно! Вот погляди, Васенька, на эту егозу. Сестрица твоя, Наталья. Десятый год всего, а бедовая страх! И никакого почтения к родительнице – задыхаясь, выговорила наконец Александра Васильевна.

– Ах, матушка, дайте-ка я со всею почтительностью поцелую Ваши руки. Как же я мечтал об этом на войне! – наклоня кудрявую голову к матери, проговорил Василий Колюбакин.

– Но каков герой наш! – громко сморкаясь, сказал отец. – Вылитый я, в бытность мою на войне с туркою. И статью, и выправкой, и удалью! Да и то сказать, в гренадеры лишь бы кого не возьмут, а уж в гвардию и подавно. Но полно, нежничать, да слезы лить. Вели, Александра Васильевна, девкам столы накрывать, да гостя дорогого потчевать.

Умывшись с дороги и едва переведя дух от родственных объятий, наш герой был усажен за богатый стол, который по такому случаю накрыт был в зале. В одном углу залы вделан был шкаф с лучшими фарфоровыми чашками, которые редко употреблялись, и с двумя фарфоровыми китайскими болванами. В другом углу на мраморном столике стояли столовые часы. В зале были еще стенные часы: с курантами, то есть с музыкой. Зеркала в простенке между окнами залы были в потускневших вызолоченных рамах.

Со щемящим чувством смотрел Василий на стены дома родителей, что были обиты грубыми обоями. Обои эти на полтора аршина не доходили до полу; этот остаток, называвшийся панелью, был обтянут толстым холстом и выкрашен на клею мелом и разрисованы домашним художником. С удивлением видел Василий подросших сестер – Агашу, Наташу, Лизоньку, малышку Глафиру, да братца Петрушу – заполнивших в его отсутствие низенькие комнаты старого помещичьего дома. А Петруша не сводил глаз с молодого офицера, так и норовя незаметно потрогать военную амуницию старшего брата.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.